ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

ИЗЪ ДОНЕСЕНІЯ

ГРАФА МЕРСИ АРЖАНТО.

Статьи А. Шефера.

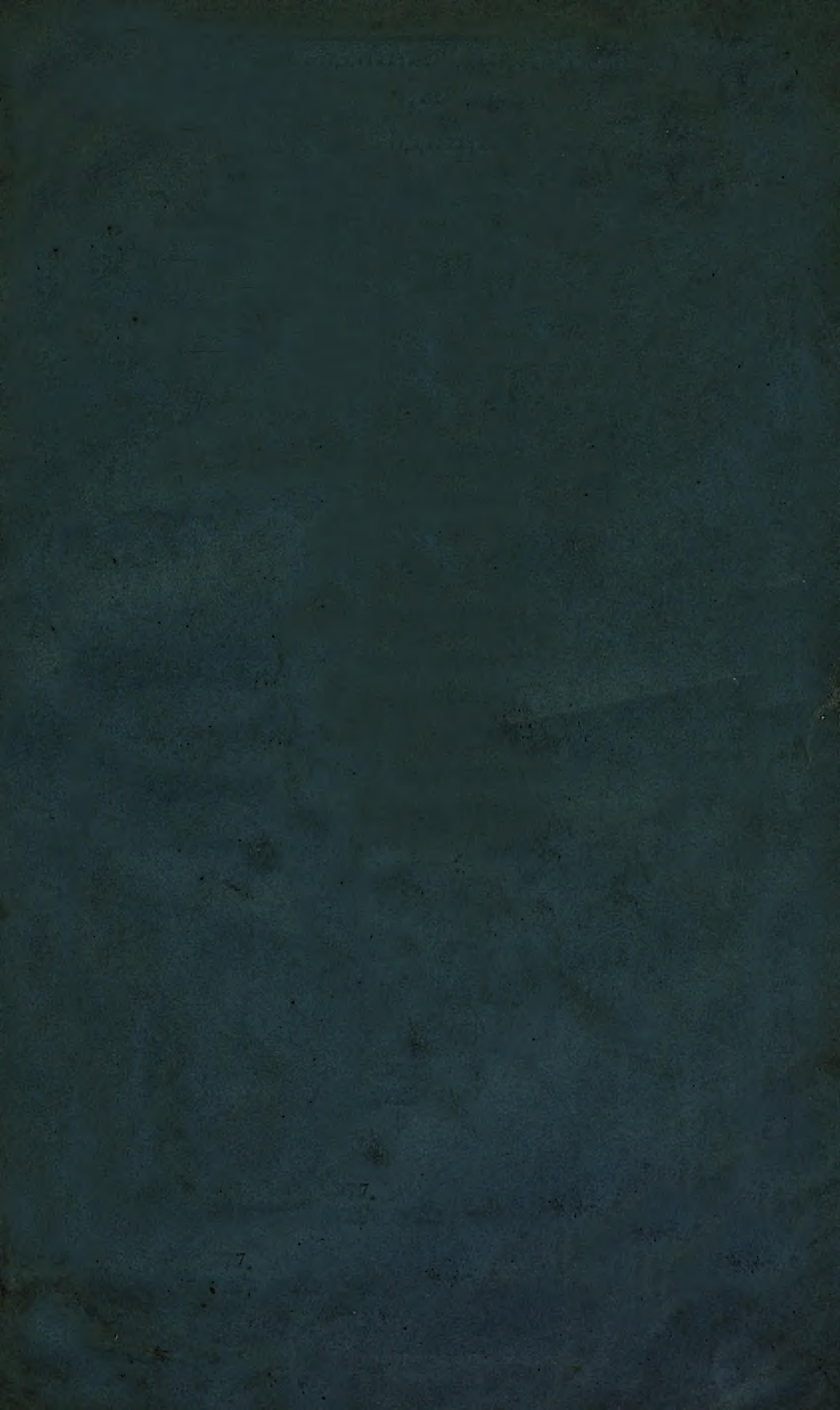
ПЕРЕВОДЪ

П. БАРСОВА.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1877.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ
РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

ИЗЪ ДОНЕСЕНІЯ

д'

ГРАФА МЕРСИ АРЖАНТО.

Статья А. Шефера.

ПЕРЕВОДЪ

П. ВАРСОВА.

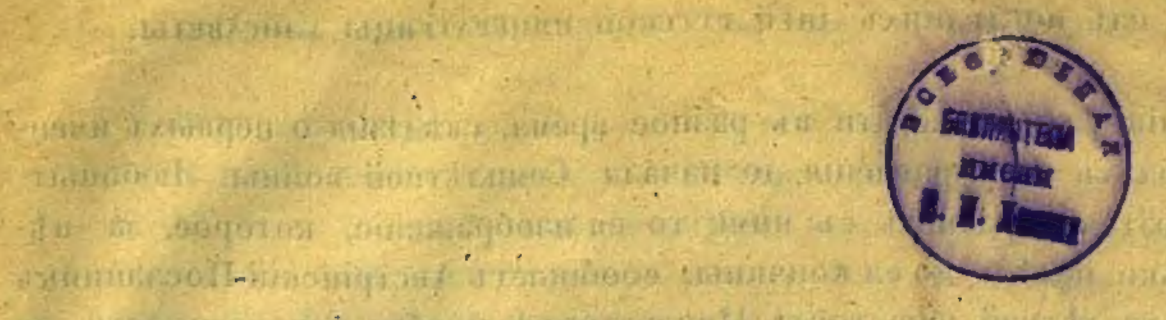
ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1877 г., кн. 2-я.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

(Статья Арнольда Шефера, помѣщенная въ нѣмецкомъ журналѣ Зибеля: Historische Zeitschrift, 1876. Viertes Heft.)

Современные иностранные Послы при Русскомъ Дворѣ съ такою подробностію писали о Елисаветѣ,—этой послѣдней Русской по крови и образу мыслей на Царскомъ престолѣ,—что образъ ея будто живой стоитъ теперь передъ нами. Ея величественно-красивая наружность, прелесть ея обращенія, чарующая благосклонность, которую она умѣла распространять вокругъ себя, не могли не производить обаятельнаго впечатлѣнія на окружавшихъ ее. Вельможи Русскіе уважали въ ней дочь Великаго Петра, дѣянія котораго льстили ихъ народной гордости и вызывали удивленіе, хотя нововведенія его и возмущали ихъ. Духовенство прославляло Елисавету за ея неуклонную преданность Православію и Церкви и извиняло ей за то всѣ грѣхи ея. Послѣдніе были, конечно, также не чужды ей. Такъ, она съ увлеченіемъ предавалась наслажденіямъ, легкомысленнымъ и шумнымъ удовольствіямъ, любила роскошь и наряды, праздное веселье и суету, забывала свои обязанности по управленію и оставляла подданныхъ своихъ на произволъ лѣнивыхъ и нечестныхъ совѣтниковъ и слугъ, которые безъ стыда и боязни продавали свои услуги чужимъ Дворамъ и подтачивали самую сердцевину страны своей. Вслѣдствіе этого государство пришло въ разстройство и безпорядокъ, а между тѣмъ Императрица продолжала свою безпечную жизнь, не принимая по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого доклада по государственнымъ дѣламъ и оставляя безъ всякаго рѣшенія самыя важныя и неотложныя изъ этихъ дѣлъ.

Такою представляютъ намъ Императрицу многочисленныя, вы-

шедшія уже въ печати въ разное время, свѣдѣнія о первыхъ именно годахъ ея управленія до начала Семилѣтней войны. Любопытно поэтому сравнить съ ними то ея изображеніе, которое, за нѣсколько недѣль до ея кончины, сообщаетъ Австрійскій Посланникъ о 52-хъ-лѣтней уже тогда Императрицѣ и объ испорченности ея Двора и правленія. Изображеніе это сдѣлано перомъ Мерси Аржеанто, бывшаго позднѣе Посломъ при Французскомъ Дворѣ, того самаго Мерси, переписка котораго съ Маріей Терезіей, изданная недавно Арнстомъ и Жоффруа, знакомитъ насъ съ нимъ, какъ съ довѣреннымъ докладчикомъ своей Государыни, избраннымъ ею въ качествѣ Секретаря и совѣтника къ дочери своей Маріи Антуанетѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Мерси уполномоченъ былъ при Русскомъ Дворѣ преемникомъ Эстергази, онъ представилъ подробное донесеніе своему Двору, отъ 11 Ноября 1761 года, которое и предлагается здѣсь, извлеченное изъ бумагъ Вѣнскаго Дворцоваго и Государственнаго Архива.*

Елисавета скончалась 5-го Января 1762 года (по новому стилю.)

Мерси доноситъ: «Какъ ни чисты и искренни, и какъ ни прочны сами по себѣ дружественныя отношенія Русской Императрицы къ нашей всемилостивѣйшей Государынѣ, и какъ ни велико

---

* Донесеніе Графа Мерси Аржанто, отъ 11-го Ноября 1761 года, по новому стилю, составляющее главное содержаніе предлагаемой выше статьи Шефера, сколько намъ извѣстно, не появлялось еще въ русской печати. Такъ, его нѣтъ и въ вышедшемъ, въ прошломъ 1876 году, восьмнадцатомъ томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, въ которомъ помѣщены на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, позднѣйшія уже донесенія Мерси австрійскому Двору и переписка его съ русскимъ министерствомъ, именно: съ 5-го Генваря по 24-го Іюля 1762 года. Поэтому мы нашли не лишнимъ передать на русскомъ языкѣ сказанный дипломатическій документъ отъ 11-го Ноября, писанный о Россіи замѣчательнѣйшимъ изъ дипломатовъ XVIII-го столѣтія. Къ сожалѣнію, документъ этотъ Шеферъ сообщаетъ не вполнѣ, а съ пропусками, по видимому несущественными, передавая пропущенныя мѣста своими словами. Это побудило насъ не ограничиваться переводомъ одного только донесенія Мерси, но перевести и приложенныя къ нему нѣсколько строкъ Шефера, сами по себѣ непредставляющія особаго интереса. Замѣтимъ наконецъ еще, что хотя отзывы Мерси о русскомъ Дворѣ и государственныхъ людяхъ времени Императрицы Елисаветы, довольно рѣзки и односторонни, тѣмъ не менѣе мы не позволяли себѣ ничего измѣнить въ нихъ или пропустить, въ увѣренности, что каждый просвѣщенный русскій читатель съумѣетъ оцѣнить ихъ по достоинству прим. перевод.

ея нерасположеніе къ Королю Прусскому, а слѣдовательно и желаніе ея положить границы и конецъ могуществу этого опаснаго врага, тѣмъ не менѣе вполнѣ справедливо то, что такое благопріятное настроеніе теряетъ почти всякую силу и значеніе, отчасти потому, что Государыня весьма мало, и даже вовсе не заботится объ исполненіи своихъ повелѣній, а также и потому, что злонамѣренные и корыстолюбивые исполнители оставляютъ, если не всѣ, то бо́льшую часть именно этихъ повелѣній безъ всякихъ послѣдствій, что тѣмъ легче случается потому, что только одни особенные и довольно сложные предметы исключительно занимаютъ всѣ умственныя и нравственныя силы Императрицы и совершенно удаляютъ ее отъ заботъ управленія.»

«Именно, во 1-хъ: желаніе нравиться и славиться красотой было всегда одною изъ самыхъ сильныхъ слабостей ея, а такъ какъ вслѣдствіе сокрушительнаго вліянія лѣтъ она не можетъ не замѣчать все болѣе и болѣе становящіяся примѣтными старческія морщины на лицѣ своемъ, то обстоятельство это такъ близко и чувствительно трогаетъ ее, что она почти уже и не показывается въ обществѣ. Такъ, со времени куртага, бывшаго 30-го Августа, Императрицу видѣли всего только два раза въ придворномъ театрѣ; я же, съ самаго прибытія моего сюда, за исключеніемъ одного раза, рѣшительно не нашелъ ни одного случая разговаривать съ нею.»

«Не ме́ньшія душевныя безпокойства причиняютъ Государынѣ ея частые припадки боязливой мнительности, сопровождаемые сильнымъ страхомъ смерти; послѣднее достаточно видно изъ того, что не только стараются вообще удалять отъ нея малѣйшій поводъ къ встрѣчѣ съ страшными образами, или къ наведенію ея на печальныя мысли, но даже ради заботливой предосторожности отъ всего подобнаго, не дозволяется никому въ траурномъ платьѣ проходить мимо жилыхъ покоевъ Императрицы; и если случается, что кто нибудь изъ вельможъ и знакомыхъ ей лицъ умираетъ, то смерть эту скрываютъ отъ Государыни не рѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ. Какъ ни маловажно обстоятельство это само по себѣ, тѣмъ не менѣе оно даетъ небезосновательный поводъ къ важному предположенію, что Императрица при такой, глубоко вкоренившейся въ ней, слабости, никогда еще не допускала себѣ мысли о времени своей кончины, и слѣдовательно отнюдь не была въ состояніи рѣшиться подумать и о нѣкоторыхъ заблаговременныхъ распоряженіяхъ, связанныхъ съ этимъ будущимъ событіемъ.»

«Къ сказаннымъ двумъ причинамъ ея душевныхъ страданій присоединяется, въ третьихъ, все еще продолжающееся серьёзное недовольство ея поведеніемъ Великаго Князя и нерасположеніе къ Великой Княжнѣ, до того очевидныя, что ни съ тѣмъ, ни съ другою Государыня не имѣетъ почти никакихъ сношеній, и вотъ уже болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, какъ на дѣлѣ она съ ними не вела никакой отдѣльной бесѣды; а отъ этого она поставляетъ себя еще въ болѣе печальное положеніе, такъ какъ изъ всѣхъ довѣренныхъ ея никто не обладаетъ ни достаточною смѣлостію, ни такою искреннею ревностію, чтобы могъ доставить ей въ такомъ боязливо-мнительномъ настроеніи ея хотя бы малѣйшее облегченіе и укрѣпить ее противъ ея слабостей; вслѣдствіе чего она постоянно находясь подъ перемежающимся гнётомъ страха, тоски и подозрѣнія, отнюдь не въ состояніи заниматься дѣлами правленія и посвящать хоть нѣкоторое серьёзное вниманіе касающимся ихъ событіямъ. При этомъ надо замѣтить, что такія удручающія состоянія относятся гораздо болѣе къ душевному настроенію и нраву Императрицы, чѣмъ къ ея здоровью, ибо Императрица не только чувствуетъ себя съ послѣдняго лѣта лучше, но и вообще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ уже болѣзненныхъ припадковъ, которымъ она иногда подвержена, обладаетъ такимъ хорошимъ организмомъ, что безъ сомнѣнія ей можно было бы обѣщать многолѣтнее еще здравіе, еслибъ только она сумѣла подавить въ себѣ, хоть до нѣкоторой степени, свои душевныя безпокойства и неудовольствія.»

«Между тѣмъ, при такомъ-то состояніи Императрицы, Дворъ и Министры живутъ въ постоянной тревогѣ, неизвѣстности и въ страхѣ за настоящее и за будущее. Каждый имѣетъ свою собственную политику, отличную отъ политики другаго, при чемъ, такъ какъ вѣроломство и недовѣріе другъ къ другу и безъ того составляютъ прирожденныя свойства Русской націи, то между ними не можетъ установиться на долго никакое искреннее согласіе, и часто задушевнѣйшіе сегодня друзья превращаются на другой день въ самыхъ опасныхъ враговъ, а такое несогласіе и непорядокъ необходимо должны имѣть замѣтное вліяніе и на самыя учрежденія страны.»

«Чтобы не уклониться далеко отъ моей существенной цѣли, считаю нужнымъ только вкратцѣ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ главныхъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ цѣлый рядъ

внутреннихъ государственныхъ неустройствъ, но которыя всѣ вытекаютъ изъ помянутой выше слабости и безпечной снисходительности Государыни, какъ изъ настоящаго источника своего.»

«Здѣшнее знатное дворянство, обѣднѣвшее вслѣдствіе непомѣрной роскоши и вообще обремененное неоплатными долгами, по необходимости должно изъискивать всякія средства, чтобы помочь себѣ, главнымъ же образомъ прибѣгать къ насильственнымъ вымогательствамъ и противозаконнымъ притѣсненіямъ остальныхъ подданныхъ и торговыхъ людей. Такого рода беззаконія и притѣсненія, по мѣрѣ большей или меньшей благосклонности, которую каждое властное лице съумѣло пріобрѣсти себѣ въ Сенатѣ, являясь почти повсемѣстными, продѣлываются тѣмъ безсовѣстнѣе, что самые представители суда служатъ примѣромъ въ злоупотребленіяхъ своею должностію и почетнымъ званіемъ.»

«Содержаніе этого всеподданнѣйшаго донесенія было бы черезъ мѣру обширно, еслибъ я описалъ здѣсь лихоимства и беззаконія каждаго Государственнаго чиновника въ особенности; но беру смѣлость увѣрить, что такое обстоятельное изображеніе едва ли нашло бы себѣ подобное гдѣ либо, о чемъ достаточно можетъ свидѣтельствовать и нижеслѣдующее даже изложеніе.»

«Князь Шаховской, нынѣшній Генералъ-Прокуроръ и первоприсутствующій въ Сенатѣ, можетъ быть единственнѣйшій вельможа, который не дозволитъ подкупить себя деньгами; но если онъ отнюдь не беретъ никакихъ подарковъ, то тѣмъ не менѣе вещь общеизвѣстная, что онъ ведетъ самыя постыдныя сдѣлки, въ видѣ ссуды денегъ въ займы, и вѣрнѣйшій путь пріобрѣсть его милостивое содѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобы занять у него извѣстную сумму денегъ подъ громадные годовые проценты. Сенаторъ Графъ Воронцовъ, одинъ изъ братьевъ Канцлера, имѣющій послѣ Президента весьма большое значеніе въ Сенатѣ, всѣми считается за человѣка съ самой низкой душой, способнаго съ безстыдною наглостію обдѣлывать самыя вопіющія беззаконія. Когда оба помянутые сановники согласятся между собою, привлекутъ на свою сторону голоса и остальныхъ сочленовъ, самихъ по себѣ также порочныхъ, то не трудно представить себѣ, какъ въ подобныхъ рукахъ выполняются высшее правосудіе и вообще подвѣдомыя Сенату дѣла въ государствѣ, а равно въ какихъ общихъ и открытыхъ жалобахъ вопіетъ противъ нихъ все общество.»

«Не въ лучшемъ положеніи и остальныя части управленія,

въ которыхъ неустройства и злоупотребленія ежедневно и повсемѣстно все болѣе только умножаются.»

«Предоставленныя Графу Петру Шувалову привиллегированныя монополіи * (доходъ съ которыхъ считается до 300,000 рублей въ годъ), непомѣрныя и большею частію до 300 процентовъ достигающія таможенныя пошлины, а сверхъ того и другіе тяжкіе поборы и взыски съ торговыхъ людей, передъ выпускомъ ихъ товаровъ, причиняютъ,—не въ первый уже разъ и вообще вездѣ, такой чувствительный ударъ торговлѣ, что при такомъ ходѣ дѣлъ необходимо долженъ послѣдовать и окончательный ея упадокъ.»

«Что до Полиціи, то она также въ совершенномъ запустѣніи, до такой степени, что даже и въ здѣшней столицѣ обиліе или недостатокъ въ предметахъ продовольствія предоставляются исключительно и вполнѣ случайнымъ перемѣнамъ, такъ что и самые необходимые жизненные припасы, которые и обыкновенно бываютъ не дешевы, достигаютъ иногда вдвое бо́льшей цѣны, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ не добудешь и ни за какія деньги.»

«Если указанныя великія внутреннія неустройства влекутъ за собою такія вредныя послѣдствія и порчу во всемъ Государствѣ, то не менѣе существенный вредъ вносятъ они и во внѣшнія дѣла Имперіи. Дѣла эти и сношенія ввѣрены главнымъ образомъ Государственному Совѣту, или такъ называемой Конференціи. Но достаточно поверхностнаго только знакомства съ членами ея, чтобы получить истинное понятіе о неспособности ея и ничтожномъ ея значеніи. Кромѣ того, что собранія ея, подъ предсѣдательствомъ такого слабаго Шефа, каковъ Канцлеръ (Михаилъ Воронцовъ), ограничиваются не только одними перебранками и такими сужденіями, въ которыхъ каждый высказываетъ свое мнѣніе, сообразно съ собственными частными видами своими, но (такъ какъ сверхъ того, для формальнаго законнаго постановленія всякаго рѣшенія или заключенія, требуется полное единогласіе) на нихъ никогда, или весьма рѣдко послѣдовало бы хоть какое нибудь рѣшительное заключеніе, если бъ Секретарь Волковъ

* Петръ Шуваловъ выхлопоталъ себѣ монопольную торговлю лѣсомъ, саломъ, дегтемъ и табакомъ.

не принималъ часто на себя составлять таковыя заключенія, по своему усмотрѣнію и вслѣдствіе болѣе или менѣе настоятельныхъ побужденій; но при этомъ, и такое рѣшеніе, будучи представлено къ просмотру, или подписи, и дальнѣйшему обсужденію и возраженію каждаго члена Конференціи, впослѣдствіи все таки остается безъ достаточной прочности и силы для желаннаго и должнаго исполненія. Личный отзывъ самаго Канцлера могъ бы оправдать меня въ такомъ сужденіи о здѣшней Конференціи, если бъ одно уже получасовое бесѣдованіе съ особами, составляющими этотъ Совѣтъ, не приводило въ изумленіе (какъ я могу здѣсь свободно признаться), при видѣ того, что судьбы и интерессы такой могущественной Имперіи, какова Россія, ввѣрены такого сорта людямъ!»

Мерси останавливается здѣсь на возраженіи, которое могли бы сдѣлать ему, что нѣсколько уже лѣтъ, и именно при настоящихъ военныхъ событіяхъ, Русскій Дворъ держится твердой и плодотворной системы и издалъ многіе, хорошо и основательно обдуманные указы, и онъ находитъ, что важность намѣреній—ослабить могущество Пруссіи и средство—соединиться для этого съ Вѣнскимъ Дворомъ, должны быть для каждаго убѣдительны съ очевидностію; а что издаваемые теперь основательные указы почти всегда суть только извлеченія изъ указовъ, содержащихся въ Австрійскихъ обозрѣніяхъ, даже не рѣдко чистые списки въ большей части выраженій; хотя при всемъ этомъ онъ долженъ признать, что здѣсь (въ Россіи) есть нѣкоторые весьма способные и искусные субъекты между подчиненными. Что же касается до самихъ начальниковъ и высшихъ чиновъ, то я не думаю, что бы можно гдѣ нибудь при другомъ Европейскомъ Дворѣ встрѣтить такихъ неспособныхъ людей, каковые здѣсь.

«Среди этой то нестройной совокупности такого рода лицъ и обстоятельствъ Графъ Иванъ Шуваловъ сохраняетъ власть и почетъ, болѣе точное и близкое наименованіе для коихъ, какъ въ отношеніи ихъ объема, такъ и относительно тѣхъ правилъ, которыя опредѣляютъ у него ихъ употребленіе,—конечно, придумать нелегко. Какъ и всѣ вообще стоящіе на высотѣ придворные и Государственные чины обращаютъ свой бдительный и заботливѣйшій взоръ на Великаго Князя, точно также дѣлаетъ это и Каммергеръ (Шуваловъ), и даже въ бо́льшей еще мѣрѣ, чѣмъ дѣлаютъ это другіе. Но поведеніе его по отношенію къ помя-

путому Принцу, заключаясь въ постоянной смѣси и перемѣнѣ лести и униженія, выражается вслѣдствіе этого и въ противорѣчащихъ самихъ себѣ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Такъ, хотя онъ, Шуваловъ, постоянно исполненъ сильнаго страха, какъ бы не навлечь на себя ненависть того, который рано или поздно можетъ быть его Государемъ, а потому вообще съ великою слабостію дозволяетъ себѣ называть хорошими и ревностно поддерживать самыя очевидныя ошибки Принца, тѣмъ не менѣе случается иногда, что изъ основательной также заботливости, какъ бы не вызвать немилостивой раздражительности Императрицы, онъ впадаетъ въ противоположную крайность, и безъ всякаго опасенія, открыто и даже съ нѣкоторою запальчивостію, осуждаетъ самые ничтожные поступки Великаго Князя, при чемъ неоднократно (какъ достовѣрно мнѣ извѣстно), въ присутствіи близкихъ и довѣренныхъ его людей, съ твердою, какъ бы геройскою рѣшимостію высказывалъ, что въ случаѣ кончины Императрицы, онъ легко съумѣетъ найти средства и пути избѣгнуть кары и мести Великаго Князя. Такія заявленія (намекающія на заранѣе принятое имъ рѣшеніе лишить себя жизни посредствомъ отравленія ядомъ, или инымъ какимъ образомъ, выполненіе котораго на дѣлѣ кажется, впрочемъ, отнюдь не соотвѣтственно съ природнымъ малодушіемъ Каммергера), вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ его поведеніемъ, столько жъ мало достойнымъ, ведутъ только къ тому, что все больше и больше возстановляютъ противъ него Великаго Князя, а тѣмъ болѣе, что Великій Князь и Великая Княгиня и безъ того, на самомъ дѣлѣ, питаютъ къ нему нерасположеніе и гораздо сильнѣйшее, чѣмъ это повидимому кажется.»

Мерси воздерживается далѣе сообщать здѣсь свѣдѣнія о личныхъ качествахъ Принца и Принцессы, откладывая это до другого времени и къ сказанному объ Иванѣ Шуваловѣ,—добавляетъ: «думаетъ онъ, что не ошибается въ своемъ мнѣніи о томъ, что Каммергеръ—способностей весьма посредственныхъ и легкомысленъ, но что его ошибки и заблужденія тѣмъ опаснѣе, что онъ умѣетъ прикрывать ихъ видомъ неутомимой ревности и любви къ своей націи, хотя доказательствъ той и другой онъ никакихъ другихъ не представилъ кромѣ того, что составилъ по всѣмъ разнообразнымъ частямъ управленія бездну проектовъ, въ формѣ совѣтовъ или предложеній, и ни одного изъ нихъ, далѣе начала, до окончательнаго выполненія никогда не доводилъ: такъ, онъ вмѣшивался съ своими нововведеніями въ полицію и въ торговлю,

иногда даже въ искусства и науки,—и вездѣ всѣ его распоряженія и вмѣшательства привели только къ тому, что подданные еще болѣе обѣднѣли, торговля, особенно вслѣдствіе покровительства его монополіямъ брата своего, терпитъ застой, или и вовсе прекратилась, а здѣшняя Академія пришла въ совершенный упадокъ, и наконецъ всѣ знаменитые художники, съ такою заботливостію призванные изъ за границы Петромъ Великимъ, удалились изъ Государства. Истинная причина всѣхъ этихъ разстройствъ, безъ сомнѣнія, заключается большею частію въ природной гордости Графа Шувалова, въ черезъ мѣру преувеличенномъ предпочтеніи своей націи, въ ненависти его къ иностранцамъ и въ связанномъ съ этимъ чувствомъ убѣжденіи его въ томъ, что иностранцы не могутъ въ Русскомъ Государствѣ принести ни какой пользы или выгоды, которой бы сами Русскіе не были въ состояніи принести по своей мнимой природной способности.»

«Поэтому, такъ какъ въ настоящее время онъ обращаетъ свое вниманіе на политическія дѣла гораздо болѣе и очевиднѣе, чѣмъ было это до сихъ поръ, то съ величайшей правдоподобностію слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы онъ со внесеніемъ въ эти дѣла подобныхъ же ложныхъ основаній и пріемовъ, не допустилъ и тамъ такихъ же нежеланныхъ и вредныхъ послѣдствій, какія оказались и во всѣхъ прежнихъ его предпріятіяхъ. Къ величайшему несчастію, Шувалова невозможно почти убѣдить въ настоящемъ положеніи дѣлъ, потому что ничего основательнаго въ разговорахъ добиться отъ него нельзя, и онъ никогда, ни противъ какого бы то ни было заявленія ему,—своего внутренняго противоположнаго воззрѣнія, или особаго своего мнѣнія ни въ малѣйшемъ возраженіи не высказываетъ. Такимъ то образомъ все, что я имѣлъ случай представить ему о естественной общности интерессовъ обоихъ Императорскихъ Дворовъ, о необходимости ограничить общаго ихъ врага въ столь опасномъ его могуществѣ и о самыхъ надежныхъ и пригодныхъ средствахъ привести это въ исполненіе, — все это онъ всегда выслушивалъ не только съ безграничной предупредительностію и какъ бы съ согласіемъ, но даже самъ первый сообщилъ мнѣ о непростительномъ поведеніи Русскаго Главнокомандущаго и о необходимости оставить армію перезимовать въ Помераніи; а между тѣмъ въ высшей степени вѣроятно и даже достовѣрно, что все то, что только осмѣлились со стороны Русскихъ Генераловъ предпринимать до сихъ поръ и предпримутъ еще, въ противность всѣмъ намѣреніямъ нашимъ, въ дѣй-

ствительности слѣдуетъ приписать ему, Каммергеру, и въ такомъ предположеніи меня вполнѣ убѣдило слѣдующее, недавно получонное мною свѣдѣніе.»

«Именно, когда въ послѣднее время, Фельдмаршалъ Графъ Бутурлинъ, неожиданно и совершенно въ противность даннымъ ему инструкціямъ,—отдѣлился отъ нашей арміи въ Шлезвигѣ, то получилъ, за такое постыдное отступленіе свое, отъ здѣшней Конференціи строгій выговоръ или замѣчаніе, которое и приготовлено было къ немедленной отсылкѣ ему съ особымъ курьеромъ; Графъ же Шуваловъ съ этою же оказіей, присовокупивъ къ сказанному замѣчанію особое свое отношеніе, съ приложеніемъ кабинетнаго письма, за подписомъ Императрицы, которое, по содержащимся въ немъ заявленіямъ Государыни, безъ сомнѣнія, должно было доставить Бутурлину великое удовольствіе; ибо дѣйствительно, письмо Императрицы было самое милостивое и заключалось собственно въ томъ, что Ея Величество очень обязана ему, Фельдмаршалу, за его заботливость и труды, принятые имъ къ сохраненію арміи, и увѣрена, что онъ нашелъ удобнымъ приложить труды эти не инымъ какимъ образомъ, а именно такъ, какъ это уже случилось, и что за тѣмъ она вполнѣ предоставляетъ, и на остальную кампанію его собственному усмотрѣнію и всѣ дальнѣйшія, имѣющія быть принятыми операціи. Фельдмаршалъ, котораго не мало изумило такое различное содержаніе обѣихъ, одновременно полученныхъ депешъ, заблагоразсудилъ послать копію съ помянутаго кабинетнаго письма въ Конференцію, въ совершенно надежной увѣренности, что къ своему оправданію онъ не могъ бы представить иного, болѣе удовлетворительнаго доказательства. Уже этотъ одинъ случай достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало можно расчитывать на самыя настоятельныя предписанія и рѣшенія здѣшняго Министерства и какъ легко всесильному Каммергеру помѣшать этимъ рѣшеніямъ и даже совершенно уничтожить ихъ въ послѣдствіи.»

«Какъ только я узналъ объ этомъ обстоятельствѣ, то почелъ своею обязанностію попытаться расположить Канцлера къ болѣе ясному и откровенному разговору со мною о такомъ поведеніи Русскаго Фельдмаршала, на дѣлѣ всегда преступно противномъ благимъ предписаніямъ здѣшняго Министерства. Во исполненіе чего, при встрѣтившемся удобномъ случаѣ, я высказалъ ему слѣдующее: «что въ виду твердости его Государыни въ ея рѣшеніяхъ и въ виду той ревности, съ которой онъ, Канцлеръ, приступивъ къ дѣлу въ исполненіи ея неколебимыхъ, сообразныхъ съ союзомъ на-

мѣрепій, мнѣ кажется совершено непонятнымъ, какимъ образомъ случается, что всѣ самыя благія и строгія повелѣнія,—въ дѣйствительности однако если не вполнѣ принимаются во вниманіе русскимъ генералитетомъ, то большею частію не выполняются. Канцлеръ совершенно свободно и даже съ выраженіемъ истиннаго огорченія, въ пространной бесѣдѣ, признался мнѣ, что онъ безъ всякаго замедленія, по секрету, готовъ открыть мнѣ причину такого, столь же непонятнаго, какъ и безсмысленнаго обстоятельства, при чемъ всю вину складывалъ онъ на Каммергера Шувалова, который постоянно вмѣшивался въ дѣла только ко вреду и разстройству ихъ, и вовсе не заботился о пріобрѣтеніи надлежащаго знанія ихъ и пониманія. Онъ, Графъ Воронцовъ, неоднократно и настойчиво предлагалъ ему, Шувалову, чтобы онъ или самъ занялъ мѣсто въ Министерствѣ, или же оставилъ бы рѣшенія его неприкосновенными. Но и такою справедливою просьбою онъ, Воронцовъ, достигнуть ничего не могъ, но часто поставлялъ себя еще въ большую и чувствительнѣйшую непріятность, ибо иногда, по цѣлымъ недѣлямъ онъ не могъ добиться случая говорить съ Императрицей; а между тѣмъ, именно этимъ то промежуткомъ времени и стараются воспользоваться для того, чтобы окончательно разстроить и отмѣнить все то, что было подготовлено и начато имъ Воронцовымъ, для наиболѣе успѣшнаго удовлетворенія и выполненіе самоважнѣйшихъ дѣлъ; причемъ онъ добавилъ, что такое его положеніе дѣлаетъ для него и самое отправленіе его должности до того тягостнымъ, что не рѣдко онъ желалъ даже просить объ увольненіи его отъ оной.—На это я возразилъ ему самымъ убѣдительнымъ образомъ, какъ подобнымъ желаніемъ и рѣшеніемъ онъ поступилъ бы противно тому, что онъ долженъ сдѣлать по отношенію къ себѣ, своей Государынѣ и общему довѣрію союзныхъ Дворовъ къ его благонамѣренному образу мыслей; что вмѣсто того, что бы такъ далеко отступать передъ представляющимися ему препятствіями и затрудненіями, онъ скорѣе долженъ бы былъ подумать о достославномъ преодолѣніи оныхъ; и такъ какъ онъ увѣренъ и убѣжденъ не только въ совершеннѣйшемъ уваженіи къ нему его Государыни, но и въ ея просвѣщеннѣйшемъ воззрѣніи и признательности, то онъ достигъ бы непремѣнной и безконечно большей выгоды, если бъ представилъ и изложилъ ей чистую истину, съ надлежащею въ подобныхъ случаяхъ стойкостію, сообразною съ его ревностію и чистыми намѣреніями, Въ дальнѣйшемъ я продолжалъ вести съ Графомъ Воронцовымъ

исполненный довѣрія разговоръ и не упустилъ изъ виду ничего, что бы сдѣлать ему разговоръ этотъ пріятнымъ; въ свою очередь и онъ высказалъ мнѣ свое особенное расположеніе, съ завѣреніями, что и на будущее время онъ готовъ посвятить все свое стараніе и силы, для достиженія самаго благотворнаго успѣха въ общихъ интересахъ,—и что, кромѣ того, изъявленной ему мною искренностію онъ былъ тронутъ тѣмъ болѣе, что видитъ въ ней доказательство моей личной къ нему дружбы и признаніе испытанной честности его образа мыслей. И дѣйствительно, мнѣ кажется что честность и правдивость Канцлера, безъ сомнѣнія заслуживаютъ такого справедливаго признанія; я имѣю даже небезосновательный поводъ думать, что по своему нравственному характеру, онъ весьма мало, или вовсе не былъ бы способенъ поддаться на какіе нибудь корыстные расчеты, если бъ не былъ вынужденъ къ тому разстроеннымъ состояніемъ его частныхъ дѣлъ. Будучи знатнымъ вельможей, съ доходомъ въ 20,000 рублей, составляющимъ все его достояніе, онъ долженъ вести такой домашній порядокъ и обзаведеніе, которые требуютъ ежегодно втрое большаго расхода, такъ что, къ концу прошедшаго года, долги его достигли уже почти до 240,000 рублей. Не трудно поэтому сообразить, какъ сильно долженъ онъ нуждаться въ чрезвычайныхъ пособіяхъ. Полученное имъ отъ Франціи обязало его къ признательности, доказательства которой не-разъ уже оказались пригодными Барону де-Бретейлю, да и еще пригодятся, какъ я о томъ полагаю, согласно предписанному мнѣ наблюденію, отъ котораго я ни въ малѣйшемъ чемъ не уклонялся. Но кромѣ этой признательности къ Франціи (на которую, можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ съ нашей стороны нельзя полагаться безъ нѣкоторой осторожности), я имѣю честь и смѣлость почтительнѣйше высказать здѣсь увѣреніе, что Графъ Воронцовъ, въ отношеніи противодѣйствія общему нашему врагу, на дѣлѣ заявилъ и заявляетъ твердо рѣшимость и усиленную ревность, такъ что въ этомъ направленіи его образъ мыслей, какъ мнѣ кажется, никоимъ образомъ не можетъ быть двусмысленнымъ, или подозрительнымъ. И такъ, достойно сожалѣнія только то, что при такомъ удовлетворительномъ для насъ настроеніи Министра, — его слабость, робость и посредственныя способности представляютъ все таки почти неодолимыя неудобства, такъ что и при болѣе убѣдительномъ и настойчивомъ расположенія его въ нашу пользу, едва ли можемъ мы ожидать выгодъ болѣе тѣхъ, которыя до сихъ поръ мы отъ него по-

лучили. Но, не смотря на это, точнѣе оцѣнивая тѣхъ, которые при случаѣ могутъ занять его мѣсто, полагаю, что съ достаточнымъ основаніемъ слѣдуетъ держаться такого мнѣнія, что подобная замѣна со временемъ окажется для насъ только болѣе вредною.»

С. Петербургъ. 11-го Ноября,
1761 года н. с.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого донесенія, Мерси видѣлъ Императрицу еще разъ, когда однажды, въ очень небольшемъ обществѣ, она удостоила своимъ посѣщеніемъ Ивана Шувалова, въ день его рожденія. Она приказала пригласить Посла, самымъ милостивымъ образомъ разговаривала здѣсь съ послѣднимъ объ Австрійскомъ Дворѣ, увѣряла его въ искреннѣйшей дружбѣ своей къ этому Двору и выразила удовольствіе объ удовлетворительныхъ извѣстіяхъ изъ Помераніи. Между прочимъ она добавила, «что хотя и чувствуетъ себя довольно порядочно, но что мучаетъ ее оставшаяся въ ногахъ боль, отъ которой она не можетъ ни стоять, ни сдѣлать ни малѣйшаго движенія.» (Объ этомъ Мерси доноситъ уже отъ 14-го Ноября.) Что касается до предположенія о намѣреніяхъ относительно перемѣны престолонаслѣдія, то въ болѣе ранней депешѣ, отъ 11-го Октября, Мерси упоминаетъ о поразившей всѣхъ нѣжности, которую Императрица выказала явно въ театрѣ къ В. Князю Павлу, и о той заботѣ, которую она прилагаетъ къ его воспитанію. Великій Князь Петръ, отъ котораго Императрица отдалилась, чувствительно затронутъ этимъ обстоятельствомъ, но живетъ, по видимому, въ совершенной о томъ беззаботности. Мерси замѣчаетъ, что рѣшительно неизвѣстно, какое рѣшеніе приметъ Императрица по отношенію къ престолонаслѣдію.

Къ характеристикѣ Воронцова прибавлю еще то, что онъ пишетъ вскорѣ послѣ смерти Елисаветы, отъ 10-го Января 1762 года. При первомъ опасномъ приступѣ ея послѣдней болѣзни, Императрица послала сказать ему, что желаетъ особо переговорить съ нимъ. Разговоръ этотъ за тѣмъ отложенъ былъ на слѣдующій день, а когда послѣдовало нѣкоторое облегченіе, то онъ и совсѣмъ не состоялся. «Когда же съ Императрицей случился вторичный, слѣдовательно и болѣе опасный припадокъ, то Графъ Воронцовъ высказалъ большую слабость и непомѣрную боязнь, и хотя его легкое

нездоровье не могло препятствовать ему выйти, тѣмъ не менѣе онъ уклонился, какъ бы съ намѣреніемъ, отъ присутствія при кончинѣ Государыни, которую такъ и не видалъ уже живою.»

Такъ, безъ желаннаго совѣта и оставленная умерла Императрица Елисавета. Любимцы, до дна выпившіе кубокъ ея милостей, спрятались и поворотились къ восходящему солнцу, Вел. Князю Петру. Что этотъ послѣдній пренебрегалъ ею—не удивительно. Но самъ рабъ своихъ капризовъ и страстей, онъ не съумѣлъ держать своихъ окружающихъ въ должномъ почтеніи и страхѣ, и уже черезъ 6 мѣсяцевъ проигралъ игру противъ своей супруги. Что бы судить о томъ, что сдѣлала Екатерина, что бы обезпечить прочность свойственному ей могуществу и доставить блескъ Русскому имени передъ свѣтомъ, нужно припомнить: изъ какихъ рукъ и въ какомъ состояніи получила она Имперію. Неиспорченъ въ зернѣ своемъ былъ народъ. Вслѣдствіе всеобщей лѣни, преобразованія весьма мало коснулись войска, созданія Петра Великаго и Миниха. Выяснилось, что означало, когда въ Семилѣтнюю войну Русскіе Генералы прониклись убѣжденіемъ не приносить арміи въ жертву союзниковъ Императрицы, но по возможности сохранить ее нетронутой.

2007059707

